

1. СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКА

/МОСКВА и ПЕТЕРБУРГ, 1905-1917/

Георгий Владимирович Вернадский прожил долгую и трудную жизнь. Первоначально ничто не предвещало молодому человеку особых трудностей. Он родился 20 августа 1887 г. в состоятельной семье, принадлежавшей к высшему кругу русской интеллигенции в период ее расцвета. Отец, Владимир Иванович Вернадский /1863-1945/, – один из крупнейших русских ученых конца XIX – первой половины XX в. Мать, Наталия Егоровны Старицкая, – дочь судебного деятеля, специалиста по государственному праву, принимавшего участие в реформах 1860-х годов. Родители уделяли своему первенцу все возможное внимание, способствуя его воспитанию и образованию. В свою очередь, сын на протяжении всей своей жизни относился к своим родителям с огромной любовью и уважением. Признаюсь, что перво-начально меня несколько удивило редкое в наши дни обращение в письмах к родителям – «Драгоценные мои». Или заключительные слова: «Обнимаю, целую тебя драгоценный папочка. Твой любящий Георгий» и т. д.¹ Причем эти обращения сохранились и в зрелом возрасте, когда они кому-то могут показаться излишней сентиментальностью. Но ведь родители Георгия действительно оказались драгоценными, и в этом необычном обращении по сути не было ни преувеличения, ни сентиментальности. Более того, учитывая разделявшие их после революции огромное расстояние и политические препятствия, подобные слова позволяли лучше передать духовную близость, искреннюю любовь, привязанность и благодарность. Вполне очевидна становится и роль, которую семья сыграла в воспитании молодого Георгия и в формировании его характера. Важное значение имела общая обстановка в доме Вернадских, который объединил друзей и единомышленников – так называемое «приютинское братство», основанное еще в 1880-е годы студентами Петербургского университета братьями Федором и Сергеем Ольденбургскими, а также Дмитрием Шаховским, Владимиром Вернадским, Александром Корниловым и др.² В дальнейшем гостеприимная квартира Вернадских стала местом

¹ Огромный семейный архив Г. В. Вернадского /234 ящика/ хранится в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Columbia University. The Buttler Library. The Bakhmeteff Archive (далее BAR). The Vernadsky Papers.

² О роли братства «Приютино» в общественно-политической жизни России Г. В. Вернадский подробно рассказал в 1960-х годах. См. Братство «Приютино». //Новый журнал /далее

встреч выдающихся представителей либеральной русской интеллигенции серебрянного века. Среди ее посетителей мы встречаем Н. Н. Петрункевича, П. Н. Милюкова, В. О. Ключевского, Ф. И. Родичева, А. А. Кизеветтера и многих, многих других, включая Льва Николаевича Толстого.

Уже в 5-ой Московской гимназии, которую Георгий окончил весной 1905 г. с золотой медалью, у него проявился интерес к истории. Гимназист особенно ценил уроки Якова Лазаревича Барского, ученика В. О. Ключевского, и он поделился своими впечатлениями с родителями. «Отец был человек необыкновенного размаха, пытливей мысли и широких научных исканий. Когда он заметил, что у меня намечается склонность к истории, он сразу же обратил на это внимание».³ Не случайно поэтому сразу же после окончания гимназии молодой человек твердо решил поступить на историко-филологический факультет Московского университета.

Из-за революционных событий осени 1905 г. регулярные занятия в Московском университете оказались невозможными и по совету родителей Георгий выехал весной 1906 года в Берлин, чтобы осмотреться и подучиться немецкому языку. Затем он отправился во Фрайбургский университет в Бадене, где прослушал три курса: Георга фон Белова /город немецкого средневековья/, Генриха Риккерта /философия истории и Фридриха Мейнеке /новая история Англии/. По отзыву самого Вернадского «курс Риккерта особенно давал толчок мысли»⁴. На роль Риккерта и идей неокантианства недавно обратила внимание Н. Е. Соничева в диссертации об исторической концепции Г. В. Вернадского. Показательно, что еще до начала занятий Георгий писал из Фрайбурга: «Теперь я здесь читаю Риккерта и в восторге..., у него удивительно глубокая и сильная мысль». В другой раз он отмечал, что читая книги Риккерта испытывает чувство счастья. Эти работы «с их доводами против позитивизма и натурализма были для меня ободрением, отрадой, поэзией жизни».⁵

НЖ/, кн. 93, 95, 96, 97. Вернадский В. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993, с. 36-45.

³ Вернадский Г. В. Из воспоминаний. Годы учения. С. Ф. Платонов //НЖ, 1970, кн. 100, с.199. Сравнительно недавно воспоминания Г. В. Вернадского были перепечатаны в журнале «Вопросы истории», 1995, № 1, с. 129-148.

⁴ Там же, с. 199-200.

⁵ Цит. по: Соничева Н. Е. Становление и развитие исторической концепции Г. В. Вернадского. Дис. к. и. н. М., 1994, с. 93-95 /рукопись/.

Не отрицая влияния на Г. В. Вернадского идей неокантианства и Г. Риккерта следует подчеркнуть, что решающее значение в формировании его взглядов имела учеба в двух лучших университетах России, сначала в Московском, а затем и в Петербургском. Вспоминая свою учебу в Московском университете /1906-1910/, Георгий Владимирович писал, что по русской истории он «наслаждался, конечно, лекциями Ключевского, «очень полезными» были «лекции и семинары М. М. Богословского». Работал он также «в семинаре А. А. Кизеветтера и просеминарах Ю. В. Готье и А. И. Яковлева. Очень содержательны были лекции М. К. Любавского». По всеобщей истории он выбрал курсы и семинары Д. М. Петрушевского /средние века/, А. Н. Савина /XVII-XVIII вв./ и слушал также лекции Р. Ю. Виппера. Важное значение имело ознакомление с работами классиков русской исторической науки, а также важнейшими новыми исследованиями. Большое впечатление на молодого Вернадского произвели труды С. Ф. Платонова, и он «тогда уже проникся глубоким уважением к нему».⁶

В ноябре 1908 г. Г. В. Вернадский женился на своей троюродной сестре Нине Владимировне Ильинской, которая окончила Высшие женские курсы по историко-филологическому факультету и «стала верной спутницей всей его жизни и усердной помощницей в труде».⁷ Историком Нина, однако, не стала. «Ее влекло к музыке, пению и литературе».⁸ Молодые супруги много путешествовали, побывали в Германии, Италии, Швейцарии и других европейских странах. Весной 1910 г. успешно сдав экзамены и написав кандидатское сочинение «Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.» Вернадский получил диплом первой степени. Поскольку, однако, его научный руководитель М. М. Богословский в то время не был еще профессором, а лишь приват-доцентом, ходатайствовать об оставлении при университете для подготовки к профессорскому званию Вернадский формально не мог, и он решил проводить научное исследование самостоятельно, а темой своих исследований выбрал историю Сибири. В Москве по этой тематике имелся огромный и еще слабо разработанный архивный материал, и молодой историк с увлечением погрузился в его изучение.⁹

В дальнейшем на основе этих материалов были подготовлены первые печатные работы молодого историка о колонизации Сибири в конце XVI и в XVII веках: заметка

⁶ Вернадский Г. В. Из воспоминаний... // НЖ, 1970, кн. 100, с. 200-201.

⁷ НЖ, 1967, кн. 88, с. 263.

⁸ Вернадский Г. В. Из воспоминаний... //НЖ, 1970, кн. 100, с. 205.

⁹ Там же, с. 207; Соничева Н. Е. Указ. Соч., с. 26.

«О движении русских на восток» //Научно-исторический журнал, П, 1914; оригинальный очерк «Против солнца. Распространение русского государства к востоку» //Русская мысль, январь 1914, кн.1, с. 56-79 /имеется также отдельное издание, М., 1914, 26 стр./; а также исследовательская статья «Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века» //Журнал министерства народного просвещения, 1915, № 4, с. 332-354.¹⁰ Нормальный ход исследования был прерван так называемым «инцидентом Кассо» /1911г./ – грубым нарушением министром народного образования автономии Московского университета, когда были отстранены от должности его ректор и проректор. В знак протеста группа профессоров и преподавателей, включая В. И. Вернадского, ушла из Московского университета. Еще в 1909 г, Владимир Иванович был избран экстраординарным академиком, и теперь, следуя традиции, он решил переехать в Петербург, где в 1912 г. стал ординарным академиком. Решил последовать за родителями и молодой Вернадский, который обратился к С. Ф. Платонову с просьбой разрешить готовиться к магистерским экзаменам и писать диссертацию под его руководством.¹¹ Согласие Сергея Федоровича было получено, и начиная с 1912 г. Г. В. Вернадский стал регулярно ездить в Петербург, а осенью 1913 г. вместе с Ниной окончательно переселился в столицу.

Началось систематическое знакомство Г.В.Вернадского с работами блестящей петербургской исторической школы, которая в то время была представлена такими именами как академики А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Ростовцев, С. Ф. Платонов, И. М. Гревс, Н. И. Кареев и многими другими. Это было время высшего расцвета русской культуры – литературы, искусства, науки, ее серебряный век. Специального упоминания заслуживают неформальные «среды» у С. Ф. Платонова и аналогичные встречи в доме А. С. Лаппо-Данилевского, которые молодой Вернадский регулярно посещал. Кстати, у последнего состоялось знакомство Г. В. Вернадского с двумя американскими историками – Ф. А. Голдером и Р. Г. Лордом. Голдер занимался в то время сбором материалов по истории Сибири, Тихоокеанского севера и русско-американских отношений, прекрасно говорил по-русски и часто приходил пообедать в квартиру молодых Вернадских. В Петербурге возобновилось знакомство с рядом старых московских друзей и в частности с М. М. Карповичем. «Талантливый и обаятельный» Миша окончил Московский университет несколько позднее Георгия весной 1914 г. В Петербурге у него жила мать со вторым мужем, а также ее брат – известный историк

¹⁰ Curricula Vitae (сент., 1921); List of Publications //BAR, Vernadsky Papers, Box 94

¹¹ Вернадский Г. В. Из воспоминаний //НЖ, 1970, кн. 100, с. 208

Александр Евгениевич Пресняков. В апреле 1917 г. случайная встреча с новым послом в США Б. А. Бахметевым круто изменила жизнь М. М. Карповича. Бахметев хорошо знал семью Карповичей и сразу же предложил Мише сопровождать его в Вашингтон в качестве личного секретаря. Миша согласился и в результате навсегда остался в Америке и сыграл в дальнейшем большую роль в жизни Г. В. Вернадского.¹²

Едва ли не самые проникновенные слова Г. В. Вернадский посвятил Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому, которого отличала «необыкновенная широта охвата всего течения русской истории». В этом он, по всей видимости, напоминал Георгию его отца. И не случайно, конечно, иностранные ученые, приезжавшие в Петербург, неизменно посещали Лаппо-Данилевского, получая от него необходимые консультации по архивам, библиотекам и конкретным научным трудам. Наряду с многочисленными работами о скифских древностях, истории Московского государства, экономической истории, крестьянству и т.д. широкую известность получила его книга «Методология истории» в двух томах, вышедших в 1910-1913 гг. И не случайно, конечно, Г. В. Вернадский старался не пропустить ни одного из вечеров у Лаппо-Данилевского и постоянно советовался с ним по поводу своей диссертации. Разумеется, он также обсуждал тему своей диссертации с С. Ф. Платоновым, отцом и своим школьным учителем, а теперь одним из старших научных сотрудников Государственного архива в Петербурге Я. Л. Барсковым. Вопрос оказался трудным. Ведь Вернадский уже собрал большой материал в Москве по истории Сибири, но теперь он жил в Петербурге, и это создавало дополнительные трудности. Сам Георгий захотел освоить новый для себя период – XVIII век, по которому основные материалы, естественно, отложились в столице. Именно в Петербурге Барсков в то время обнаружил, а затем и опубликовал переписку масонов в последней четверти XVIII в.

Наличие в Государственном архиве и Публичной библиотеке ценных документов по масонам оказалось решающим. И хотя Платонов предпочитал работу по изучению биографии П. И. Шувалова, он согласился на масонство, проявив широту своих взглядов и уважение к интересам своих учеников.¹³

¹² Там же. с. 205, 212-215. Обычно точный в деталях Ч. Гальперин допустил ошибку утверждая, что Вернадский познакомился с М. М. Карповичем, проходя аспирантуру в Петербургском университете. Halperin Ch. J. Russia and Steppe: George Vernadsky and Eurasianism //Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1985. Bd. 36, S. 56-194.

¹³ Вернадский Г. В. Из воспоминаний... //НЖ, 1970, кн. 100, с. 210.

Прочитав весной 1914 года пробную лекцию Г. В. Вернадский получил звание приват-доцента и объявил два курса: по колонизации Сибири и истории русского масонства, на которые записалось от трех до пяти студентов.¹⁴ Особой популярностью лекции Г.В.Вернадского не пользовались. Зато научное исследование уже в то время стало его коньком. Георгий с увлечением работает над многочисленными материалами по истории масонства в Публичной библиотеке и Государственном архиве, в библиотеке и архиве Академии наук, Морском архиве в Петербурге, Историческом музее, Румянцевской библиотеке в Москве, а также в Ревеле и Твери. Именно в этой связи В. А. Пыпина-Ляцкая предложила ему «издать в виде книги с его примечаниями и дополнениями статьи её покойного отца, академика А. Н. Пыпина, по истории русского масонства», что он и осуществил в 1916 г.¹⁵

К весне 1917 г. магистерская диссертация Г. В. Вернадского о русском масонстве в царствование Екатерины II была завершена и быстро напечатана «по определению историко-филологического факультета Петроградского университета» от 17 мая 1917 г. за счет автора в частной типографии в Петрограде.¹⁶ Защиту назначили на 22 октября, а кроме Платонова официальными оппонентами должны были выступить С. В. Рождественский и И. А. Шляпкин. Как писал сам Вернадский, он «стремился выяснить психологию, интересы, культурное и психологическое стремление русского общества XVIII века, в частности, Н. И. Новикова и его кружка» установить связь этого кружка с «консервативной оппозицией, группировавшейся вокруг цесаревича Павла Петровича».¹⁷ Центральное место в книге занимает фигура Н. И. Новикова и деятельность его кружка. В этой связи для «Русского биографического словаря» Вернадский написал подробный очерк о жизни и деятельности просветителя. Хотя издание словаря после Октябрьской революции прекратилось, биография Н. И. Новикова, как и некоторых других, была издана отдельной книгой.¹⁸

¹⁴ Там же, с. 213.

¹⁵ Там же, с. 217; Пыпин А. П. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX вв. /Ред. и прим. Г. В. Вернадского/. Петроград, 1916. VII, 571 с.

¹⁶ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Петроград, 1917. XXIV, 285 с. В 1970 г. эта книга вышла в серии Slavica-Reprint № 54. Dusseldorf-Bruckner-Verlag

¹⁷ Автобиография Г. В. Вернадского, Афины, сентябрь 1921 г. //BAR, Vernadsky Papers, Box 94.

¹⁸ Вернадский Г. В. Николай Иванович Новиков. Петроград, 1918. 163 с.

Защита диссертации 22 октября прошла успешно, хотя Петроград жил в предчувствии надвигающейся катастрофы. Помимо Платонова, Рождест-венского и Шляпкина выступил И. П. Киселев и еще два-три человека из присутствующих. Факультет единогласно присудил Вернадскому степень магистра, а еще через три дня утром с большим трудом он сумел выехать к месту своей новой работы. «Доехал до Перми, – вспоминал Георгий, – совершенно измученный. Нина встретила меня как чудесно спасенного – я только от нее узнал о перевороте 25 октября».¹⁹

Так случилось, что работа Г. В. Вернадского оказалась, по-видимому, последней исторической диссертацией, защищенной в России до Октябрьской революции. Уместно в этой связи высказать несколько соображений об уровне исторического образования в дореволюционной и современной России. К сожалению, общий вывод во многих отношениях выглядит не в пользу современной системы. Конечно, Петербургский и Московский университеты в начале XX века представляли собой совершенно исключительное явление как в науке, так и в образовании. В них преподавало целое созвездие историков от В. О. Ключевского до А. С. Лаппо-Данилевского и С. Ф. Платонова. Но ведь и МГУ /Московский государственный университет/ вместе с РАН /Российская академия наук/ в конце XX века имеют в своем составе по крайней мере два десятка блестящих историков-специалистов мирового уровня. К сожалению, как правило, эти ученые не играют решающей роли в подготовке студентов и аспирантов. /В России вообще нет недостатка в умных и образованных специалистах, но за редким исключением они отсутствуют на должностях высших руководителей/.

Уже для подготовки к магистерским экзаменам историк должен был изучить несколько вопросов и сдать экзамены крупнейшим специалистам в своей области. Так, С. Ф. Платонов по русской истории дал Вернадскому тему о Земских соборах XVIII в., М.И.Ростовцев по древней истории – о римской финансовой администрации, И. М. Гревс – об аграрном строе раннего средневековья, Н. И. Кареев – о положении крестьян во Франции в XVIII в. Кроме того, требовалась так называемая «клаузная работа», тема которой не объявлялась заранее и которую надо было писать без всяких пособий в отдельной комнате, запиравшейся на ключ.²⁰ Думаю, что сдать экзамен по специальности в нашей стране сейчас значительно проще, чем это было сделать в начале XX в. Главным, однако, как прежде, так и теперь была подготовка диссертации и опубликование ее результатов в научной печати. Вернадский выполнил эту задачу с

¹⁹ Вернадский Г. В. Из воспоминаний... // НЖ 1970, кн. 100, с. 221.

²⁰ Там же, с. 209.

избытком. После окончания университета он первоначально занялся изучением движения русских на восток, работал над сбором материалов Сибирского приказа в московском архиве Министерства юстиции и в 1914-1915 гг. опубликовал несколько статей о колонизации Сибири в конце XVI-XVII вв. Переехав в С.-Петербург Георгию Владимировичу пришлось переключиться на новую тему, по которой в столице отложились обширные архивные и печатные источники. В результате тщательного изучения документальных материалов и появилась его монография о русских масонах в царствование Екатерины II. Даже по чисто формальным признакам книга Вернадского превосходит требования, предъявляемые в нашей стране к кандидатским диссертациям, и сейчас она могла бы быть представлена на соискание ученой степени доктора исторических наук. Впрочем, все это связано в первую очередь с катастрофическим падением уровня образования, которое происходит в нашей стране в последней четверти XX века и особенно в последнее десятилетие /после 1991г./

Отдавая должное диссертации Вернадского, я должен сказать что по широте привлечения источников и профессиональному уровню она все же уступает лучшим диссертациям не только его знаменитых предшественников, в частности, С. Ф. Платонова или Н. И. Кареева, но и некоторым выдающимся работам советских историков, достижения которых иногда забывают.

Едва ли не самый трудный вопрос, на который предстоит ответить исследователю формирования исторических взглядов Вернадского, касается установления личности, которая оказала на него преобладающее влияние. В воспоминаниях Георгия Владимировича перечислено множество имен, начиная с отца, учителя гимназии Я. С. Барского /в свою очередь ученика В. О. Ключевского/, М. М. Богословского, который был его научным руководителем до окончания Московского университета, и, наконец, членов петербургской школы во главе с А. С. Лаппо-Данилевским и С. Ф. Платоновым. С полным основанием можно сказать, что Г. В. Вернадский учился у лучших представителей русской исторической науки пачала XX в.

Особо необходимо сказать о В. О. Ключевском. Хотя в годы учебы Г. В. Вернадского в Московском университете Василий Осипович уже не вел семинаров, его общее влияние на студентов сохранялось и даже увеличивалось. Лекции и печатные труды Ключевского о роли природных условий и процесса колонизации в русской истории определили выбор темы исследования молодого историка после окончания Московского университета – движение России на восток. В известной мере можно сказать, что проблема колонизации стала традиционной для Московского университета. Её значение отмечали П. Н. Милуков и М. К. Любавский, который читал по этой

тематике специальный курс и вслед за своими выдающимися предшественниками отмечал, что «русская история есть в сущности история непрерывно колонизирующей страны».²¹

Существует мнение, что переехав в С.-Петербург и выбрав в качестве магистерской работы масонство в царствование Екатерины II, Г. В. Вернадский читал «западником» и его диссертация несла на себе «явный отпечаток влияния «петербургской школы историков».²² Это не совсем так. Действительно в диссертации широко использовались западные источники, но свою задачу автор видел в изучении масонства как явления духовной культуры русского общества, а скажем не анализ устройства «лож», масонских ритуалов, религиозных достижений мистиков. Не случайно в центре внимания Вернадского оказалась фигура Н. И. Новикова и его кружка, а также прямая ссылка в заключении на мнение В. О. Ключевского.

«Духовный рост «внутреннего человека», – писал Г. Вернадский, – отражался на «внешнем мире», перерождение личности – на пересоздании общества. Особенно ярко это сказалось в деятельности Новиковского кружка. «Сквозь... усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденных ими толков, стало пробиваться то, с чем еще не знакомо было русское общество: это общественное мнение – говорит Ключевский. – Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарождение к годам московской деятельности Новикова, к этому Новиковскому десятилетию / 1779-1789/».²³

Вполне естественно, что в своей последующей деятельности Г. В. Вернадский оставался продолжателем традиций русской исторической школы в лице лучших ее представителей как в Московском, так и в Петербургском университетах.

²¹ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; Он же Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., Издательство Московского университета, 1996, с. 73.

²² Соничева Н. Е. Указ. соч., с. 99.

²³ Вернадский Г. В. Русское Масонство..., с. 245 с ссылкой на Ключевского, Очерки и речи /Сборник статей, II/. М., 1913, с. 279.